

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.19

EDN: JTZMEV

ОТКУДА ПРИШЁЛ КРИЗИС? ВЗГЛЯД ПРОВИНЦИАЛА

Размышления о книге Вадима Радаева
«Образование в кризисе»¹

**Донских
Олег Альбертович**¹

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Для цитирования: Донских О. А. Откуда пришёл кризис? Взгляд провинциала. Размышления о книге Вадима Радаева «Образование в кризисе» // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 219–227. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.19. EDN JTZMEV.

АННОТАЦИЯ

В статье, отталкиваясь от содержания данной книги, обсуждается ряд проблем современного образования. Опираясь на поколенческий подход, В. В. Радаев формулирует ряд новых по сравнению с предшествующими поколениями особенностей миллениалов и зумеров, живущих одновременно в физической и виртуальной реальностях и погружённых в стихию инфодемии. Эти особенности заставляют как администрацию университетов, так и преподавателей существенно менять подходы к образованию, поскольку привычные формы явно не достигают своей цели. Однако достаточно легко показать, что ряд привычек, характеризующих новые поколения, сформированы серией преобразований образовательной системы, осуществлённых в подражание чужим образцам, а также пронизывающим всё современное общество рыночным подходом с его опорой на юридические отношения, вытесняющие отношения этические и, соответственно, ведущие к десубъективизации. Отсюда и прагматизм студентов, и агрессивное требование хороших баллов. К настоящему времени в учебных заведениях сложилась ситуация, когда преподаватель (вынужденный брать дополнительную нагрузку, писать бесконечные РПД и т. п.) оказался наиболее бесправным участником образовательного процесса, управление которым взяли на себя эффективные менеджеры. Плюс к этому появилось значительное число студентов, оплачивающих образовательные

¹ Радаев В. Образование в кризисе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 200 с.

услуги и тем самым воспринимающих себя в качестве клиентов. Соответственно, искажённой оказалась вся система отношений между администрацией, преподавателями и студентами. Но В. В. Радаев благополучно прошёл мимо этих проблем, а особенности новых поколений поданы в книге как некий объективный процесс, как будто за ним не стояли никакие конкретные люди, проводившие реформы и превращавшие университеты в коммерческие организации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

миллениалы, зумеры, поколенческий подход, университет совершенства, инфодемия, десубъективизация, фасилитация, цифровизация, онлайн обучение

Название книги говорит само за себя. Это продолжение разговора о тех проблемах, с которыми сталкивается преподаватель высшей школы в современных условиях. И, более конкретно, продолжение ряда тем, которые автор рассматривает в своей чуть более ранней книге «Миллениалы. Как меняется российское общество». Автор говорит о том, что книга «продолжает традицию руководителей и администраторов делиться своим опытом работы», но с акцентом на свой собственный преподавательский опыт. Мне представляется разумным посмотреть на эти же проблемы со стороны обычного преподавателя вуза. Такой подход определил жанр данной рецензии.

Основой рассуждений автора является так называемый поколенческий подход, строящийся на том, что в университет приходят ребята, менталитет и способ поведения которых радикально отличаются от того, что характерно для предыдущих поколений. Это миллениалы и зумеры, для которых виртуальная реальность уже во многом возмещает физическую. И кризис образования связан с тем, что их необходимо учить по-другому, чего не умеют современные педагоги. Автор детально описывает особенности этих новых людей, для которых параллельная жизнь в интернете стала привычной: неумение и нежелание читать серьёзные тексты; катастрофическое уменьшение времени, в течение которого студенты способны сосредоточиться на одном предмете, и соответствующая раздёрганность сознания; размывание мотивации; прагматизм. Эти особенности проявляются во вполне конкретных тенденциях в отношениях студентов и преподавателей, что проявляется в резком снижении авторитета последних, в деградации культуры отношений вплоть до её полной (в пределе) десубъективизации, в агрессивном требовании хороших оценок. Обсуждаются проблемы инфодемии (хотя автор и не использует этот термин) и перехода к онлайн-обучению. В конце автор делится своим опытом преподавания, и здесь можно найти интересные подходы и приёмы.

Да, любой преподаватель вуза сталкивается с подобными проблемами, и, конечно, их необходимо обсуждать и искать выход из складывающейся кризисной ситуации. Но что удивляет в данной книге – это, во-первых, некая объективация происходящих процессов, которые представлены так, как будто они пришли из ниоткуда, во-вторых, отсутствие какого-либо упоминания того, что у нас называется «образовательными реформами», хотя по существу

это были не реформы, а вколачивание примитивно понятых чужих образцов (и здесь ВШЭ играла далеко не последнюю роль), и в-третьих, удивительная аккуратность, с которой автор обходит экономические проблемы. Всё это, конечно, накладывает существенные ограничения на тот анализ, который ведёт автор.

Очевидно, что происходящее с миллениалами и зумерами обусловлено внешними факторами – изменением социальных условий и созданием цифровой среды. Когда автор, обсуждая агрессивное требование хороших оценок, говорит, что ряд привычек приходит из школы, он упоминает лишь электронные журналы и упрощённые оценочные системы (правда, оговариваясь, что он не специалист по школьному образованию) (с. 54). Но совершенно очевидно, что значительно бóльшую роль в этом играют ОГЭ и ЕГЭ с их ориентацией на баллы, а не на знания, с возможностью апелляций. Сама ситуация ориентированности на оспаривание оценок, определяемая непродуманно-агрессивным проникновением юридических отношений в учебный процесс и соответствующим вытеснением отношений этических, определяется не стихией, а вполне определёнными действиями трансформаторов системы образования. Именно это проникновение определяет и десубъективизацию отношений.

Нужно отметить одно вопиющее противоречие, с которым мы сталкиваемся, занимаясь обучением: с одной стороны, система выстраивается таким образом, чтобы исключить субъективизм: в отношении оценок, в отношении содержания преподавания, шире – в отношениях студента и преподавателя. Это достигается формулированием в РПД и ФОСах точных критериев выставления оценок, непрерывным «совершенствованием» стандартов, процедурами лицензирования, непрерывными проверками квалификации. Т. е. фактически идёт расчеловечивание процесса преподавания, которое естественным образом ощущается преподавателем как недоверие к нему как к специалисту. С другой стороны, проводится идеология либерально-гуманистической педагогики с её ориентацией на подготовку свободной личности, развивающей по своей воле свои природные задатки в рамках индивидуальной образовательной траектории. Т. е. превращаемые в объект преподаватели должны, по мысли администрации, на равных, субъект-субъектно общаться с обучающимися.

При обсуждении проблемы оценок автор указывает на то, что полным ходом идёт попытка «подрыва власти оценивающего» и, соответственно, появляется желание сломать академическую иерархию, переводя отношения в горизонтальную плоскость (с. 69). Откуда она идёт, не говорится. Но эта тенденция, безусловно, как раз и связана с повторяемым как мантра тезисом о необходимости перехода от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Это вполне очевидное следствие реализации педагогики сотрудничества. Конечно, хотели как лучше... Смешно обсуждать, должны ли быть отношения между преподавателями и обучающимися человеческими или какими-то другими. Люди, независимо от возраста и положения, в процессе обучения смотрят друг другу в глаза и поэтому субъект-субъектные отношения никуда не деваются. Но это не означает равенства в системе опре-

делённых формальных отношений. И здесь необходимо отметить, что невероятно раскрученная тема насилия со стороны преподавателей, от которого так хотели избавиться, оставляет в тени насилие со стороны студентов, о чём пишут несопоставимо меньше.

В настоящее время, и этого добились реформаторы нашей системы образования, преподаватель – наиболее бесправное существо в системе академических отношений, которое начинает свою работу в высшем учебном заведении с предоставления справки об отсутствии судимости. Я уже не говорю о заработной плате на одну ставку, которая вынуждает преподавателя бороться за дополнительные часы, но он ещё должен заниматься совершенно бессмысленной работой по бесконечному составлению и квази-совершенствованию рабочих программ дисциплин под новые стандарты, которые меняются раз в три года. От него также требуется, чтобы он занимался научной работой и печатался в высокорейтинговых журналах (отмечу, что несмотря на прокламируемый отказ от взаимодействия с такими базами, как WoS и Scopus, все требования по необходимости публикации в журналах, индексируемых в этих базах, остались). Причём придумана система эффективного контракта, где учитывается всё, кроме нормальной работы преподавателя. И в ситуации клиентоориентированности преподаватель, конечно, вынужден постоянно оправдываться за собственные действия, и это так не «выглядит» (с. 54), а действительно *есть*.

Следующий момент – это переход от «знаниевой» к так называемой «компетентностной модели образования». Когда автор говорит о прагматизме студентов, то он подаёт это в первую очередь как некий запрос со стороны студентов, «которые всё больше требуют от нас прикладных знаний, чтобы их можно было применять – немедленно или в ближайшей перспективе» (с. 47). Но опять же, это не стихийное требование студентов, а ситуация, обусловленная, во-первых, тем, что образование фактически стало платным (и здесь речь идёт не только о непосредственной плате за обучение, но и о значительной плате репетиторам для того, чтобы подготовиться к ЕГЭ). И многие студенты, даже учась на бакалавров, не говоря о магистрах, вынуждены работать, и их прагматизм в этом случае вполне обоснован. Во-вторых, прагматизм определяется усиливающейся год от года нацеленностью на рейтинги (об этом прекрасно пишет цитируемый автором Риддингс), и этот рейтинговый раж определяется конкретными людьми, а вовсе не требованиями времени. На эту же мельницу ещё в школе льют свои воды непрерывные олимпиады, требования создания своего портфолио и проч. В-третьих, прагматизм обоснован идеологией компетентностного подхода, которая состоит в том, что в информационно насыщенном обществе практические навыки важнее знаний (компетентностная идеология была включена в «Стратегию модернизации содержания общего образования» 2001 года и стала основой образовательных стандартов). Автор предлагает следовать совету Генри Розовски – «Окончательные суждения по вопросам образования лучше всего оставить за теми, кто имеет профессиональную квалификацию» (с. 48). Отлично. Но у нас правят бал методисты, которые как раз и не имеют профессиональных квалификаций в предметных областях. При этом сам автор

справедливо пишет, что «коллега, который не проводит собственных исследований..., может быть хорошим методистом, но не способен подняться до по-настоящему высокого уровня...» (137). Но здесь есть ещё один ядовитый вопрос: знания вообще уже не нужны, если можно погуглить? Автор говорит, что в условиях инфодемии необходимо развивать критическое мышление (с. 128). Это, конечно, правильно. Но на чем это критическое мышление может основываться, если не на определённых знаниях? Да, нужно овладевать правилами мышления, но почему это нужно делать за счёт знаний? А если долговременная память в условиях использования современных гаджетов уступает место кратковременной, то о чём мы говорим? Автор замечает, что «в отсутствии выраженного стремления к запоминанию и заучиванию самом по себе нет ничего дурного. Тем более что излишняя память способна мешать аналитическому мышлению, а механически заученное может вычёркиваться из понимания» (с. 39). Конечно, это так, если запоминание и заучивание становятся самоцелью. Но культурный человек должен владеть каким-то минимумом знаний. Да, молодые люди легко находят нужную информацию и могут даже начинать с ней работать. Но при этом они становятся всё менее самостоятельными, не удерживая в голове никакие смыслы, поскольку не они их сформировали, и это в книге неоднократно отмечается. Так какое же критическое мышление возможно на этой основе? Отсюда и неумение, и нежелание задавать вопросы. (Кстати у автора рецензии в 2018 году также опубликована статья «Почему студенты перестали задавать вопросы?») Поэтому я считаю, что в современных условиях тезис о том, что не нужно зубрить и учить наизусть, не выдерживает критики. Память нужно тренировать, а без этого не молодые люди управляют потоками информации, а потоки информации управляют молодыми людьми. И это относится как к естественно-научным, так и – особенно – к гуманитарным дисциплинам. Можно ли подготовить историка или литературоведа без того, чтобы он использовал долговременную память?

Автор делится своим успешным опытом обучения студентов медленному чтению с помощью программы Perusall.com (с. 156 и след.) Это интересно и может быть использовано в обучении. Но, во-первых, возникает вопрос о том, можно ли с помощью таких технологий достаточно полно возместить тот недостаток сосредоточенности, ту раздёрганность мышления и отсутствие способности воспринимать серьёзные тексты, с которыми студент приходит в вуз? (Этот вопрос упирается в систему школьного образования, что выходит за рамки книги, но в общем виде не может не быть поставлен). Во-вторых, использование указанных технологий сразу наталкивается на тот простой факт, что, как отмечает сам автор, «цифровые помощники» увеличивают нагрузку преподавателя. Таким образом, для большинства преподавателей этот опыт не применим в принципе. И, в-третьих, более общий вопрос: перевод обучения в онлайн может вести и ведёт к серьёзным психологическим последствиям, поэтому использование новых и новых дистанционных технологий вместо нормального человеческого общения должно вводиться с исключительной аккуратностью и только в очень ограниченных сферах взаимодействия преподавателя и студента.

Автор абсолютно справедливо пишет, что «самая большая проблема ... связана с *психологическим* состоянием студентов». И со ссылкой на статью А. Васильевой приводит катастрофические данные о том, что в условиях пандемии три четверти студентов ряда ведущих российских университетов демонстрировали признаки психологического неблагополучия, а у двадцати процентов наблюдались синдромы умеренной или тяжёлой депрессии (с. 105). Владея такими сведениями, можно ли продолжать настаивать на использовании этих технологий? Если мы хотим сохранить здоровье наших детей, то нужно решать эти вопросы в государственном масштабе, резко ограничивая или вообще исключая использование инновационных цифровых технологий в школьном и вузовском пространстве.

Так, может быть, не нужно было с такой страстью вколачивать элементы западной системы образования и доводить всё до такой степени псевдо-освобождения личности, чтобы потом пассивно пожинать следствия, о которых вполне выразительно говорится в книге. Я не считаю, что можно всерьёз обсуждать, нужно ли получать от студентов письменное разрешение на право преподавателя задавать ему вопросы на семинаре. Или задумываться над тем, может ли преподаватель требовать, чтобы студенты включали видео, когда они участвуют в семинаре. И это не должен решать каждый преподаватель индивидуально, тем более, что есть понятные процедуры идентификации студентов, и они пришли в учебное заведение учиться, а не качать права. Иными словами, если те, кто проталкивал образовательные реформы, не предусматривали подобных последствий, то это вина конкретных людей, а не пришедшие из ниоткуда обстоятельства и уж точно не «требования времени». Можно вспомнить, как эти же реформаторы объявляли, что ЕГЭ приведёт чуть ли не к гибели института репетиторов, а увидев, что рынок репетиторства увеличился в десятки раз, и сейчас редкий ученик заканчивает школу без репетиторов, начали говорить о том, что это нормально и что в других странах это вполне обычная практика.

И, конечно, нельзя обойти вопрос о том, как товарно-денежные отношения ворвались в сферу образования. Автор упоминает об этом, когда говорит о тенденции превращения университета в супермаркет. Но, как ни удивительно, эта тенденция характеризуется им как «стихийное стремление» (с. 72). Это очень странно, если учесть, что на протяжении полутора поколений в общественное сознание вколачивалась беспримесно рыночная идеология, и обучение было официально представлено как «предоставление образовательных услуг». Никакая критика не воспринималась, и обсуждение обычно сводилось к тому, насколько качественно эти услуги предоставляются. Поэтому удивляться клиентоориентированности системы образования совершенно не приходится. И очевидно, что термин «услуга» пришёл не из ниоткуда, а был включён конкретными людьми в конкретные правовые документы.

Соответственно, переход к рыночным отношениям в сфере образования привёл к целому ряду принципиально важных процессов, радикально влияющих на отношения администрации и преподавателей, а также преподавателей и студентов. В своё время в университетах культуры были так называемые *tenure positions*, т. е. должности, которые преподаватель занимал

неопределённо долгое время. Университеты совершенства начали от таких должностей избавляться, переводя преподавателей на всё более короткие контракты. Это, безусловно, усилило контроль над преподавателями со стороны администрации. При этом административные должности в университетах стали занимать люди, всё менее и менее понимающие что-то в преподавании и науке, поскольку считается, что можно управлять университетом, как и любой компанией, на основе ключевых показателей эффективности. Соответственно, покати́лся вал разного рода показателей и рейтингов, имеющих в лучшем случае лишь косвенное отношение к текущим процессам. Здесь и отмеченная выше десубъективизация, и нацеленность на формальные показатели (в случае студентов – на оценки). Преподаватель в полной мере стал наёмным рабочим и перестал занимать центральное место в системе образования. Поскольку образование стало коммерцией и большинство студентов платят за обучение, в отношении преподавателя и студента вмешался экономический фактор в виде требований борьбы за сохранность контингента. Наверное, в ВШЭ администрации неважно, бюджетные это студенты или коммерческие, но для администрации вузов, где количество платных студентов существенно превышает половину, это важно, и от этого никуда не деться. Причём и сами студенты начинают разделять идеологию клиентоориентированности, понимая своё значение как заказчиков образовательных услуг. В результате и формируется ориентация на формальное получение диплома и происходит сдвиг в сторону имитации образования.

Отдельная тема – запись лекций для использования их в онлайн-формате. Автор совершенно справедливо говорит о том, что к переводу лекций в онлайн необходимо относиться трезво, поскольку на возможные плюсы накладываются неизбежные ограничения, и подчёркивает, со ссылкой на У. Боуэна, «огромную ценность непосредственного интеллектуального общения» (с. 117). Но понятно, что здесь речь идёт, конечно, об университетах, дающих элитное образование, а для периферии – «домоседов, раздвигающих свой кругозор, или для региональных университетов» – это сойдёт. Оно было бы ещё некоторой благотворительностью, если бы элитные университеты предоставляли подобные лекции бесплатно. А когда региональные университеты вынуждают покупать подобные курсы, за этим в действительности стоит простое соображение о том, что это миллиардный рынок и элитные вузы должны срочно занимать в нём свои торговые палатки.

В общем, я считаю, что первый проректор крупного вуза, особенно вуза, который был лидером трансформации системы образования, должен был бы признать, что реформы привели не туда, и делать работу над ошибками, а не принимать происходящее как стихию и обсуждать последствия урагана, который, взявшись неведь откуда, мчит над нашим бедным образованием, приводя его в критическое состояние. И современная педагогика, вместо того чтобы искусственно увеличивать пропасть между поколениями, должна работать над тем, чтобы этой пропасти не было.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023.

Принята к публикации 26.04.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Донских Олег Альбертович *oleg.donskikh@gmail.com*

Доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia), заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»; профессор кафедры философии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

AuthorID РИНЦ: 313804

ORCID: 0000-0001-7297-9754

Scopus Author ID: 24782261100

Web of Science ResearcherID: B-5328-2018

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.19

WHERE DID THE CRISIS COME FROM?

The View of a Provincial Reflections on Vadim Radayev's Book "Education in Crisis"

Oleg A. Donskikh^{1,2}

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

---

For citation: Donskikh, O. A. (2023). Where Did the Crisis Come From? The View of a Provincial Reflections on Vadim Radayev's Book "Education in Crisis". *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 2. P. 219–227. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.19.

Abstract. The article, based on the contents of this book, discusses a number of problems of modern education. Relying on the generational approach, V.V. Radaev formulates a number of peculiarities of millennials and zoomers, who live simultaneously in physical and virtual realities and are plunged into the arms of infodemia, new in comparison with the previous generations. These features are forcing both university administrators and professors to significantly change their approaches to education, since the usual forms are clearly not achieving their goals. However, it is easy enough to show that a number of habits that characterize the new generations are shaped by a series of transformations of the educational system, carried out in imitation of alien models, as well as by the market approach that pervades all modern society, with its reliance on legal relations that displace ethical relations and, consequently, lead to de-subjectification. This situation explains the pragmatism of students and the aggressive demand for good grades. By now there is a situation in educational institutions where the university professor (who has to take on extra workloads, write endless reports, etc.) has become the most powerless participant in the educational process, which has been taken over by efficient managers. Plus, there is a significant number of students who are paying for educational services and thus perceiving themselves as clients. Accordingly, the entire system of relations between the administration, professors, and students has been distort-

ed. But V.V. Radaev has safely passed over these problems, and the peculiarities of the new generations are presented in the book as an objective process, as if behind it there were no specific people who carried out reforms and turned universities into commercial organizations.

Keywords: millennials, zoomers, generational approach, university of excellence, infodemy, de-subjectivization, facilitation, digitalization, online learning

The article was submitted on 21.04.2023.

Accepted for publication 26.04.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Donskikh Oleg   *oleg.donskikh@gmail.com*

Doctor of Philosophy, Professor, PhD, Head of Philosophy and Humanities Department, Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”; Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

AuthorID RSCI: 313804

ORCID: 0000-0001-7297-9754

Scopus Author ID: 24782261100

Web of Science ResearcherID: B-5328-2018